

18+ Александр Станиславович Сих

*Средство
от депрессии, или
Психологическая
помощь*

Александр Сих

**Средство от депрессии, или
Психологическая помощь**

«Издательские решения»

Сих А. С.

Средство от депрессии, или Психологическая помощь /
А. С. Сих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962447-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Чуть
эксцентричная, чуть легкомысленная, чуть романтическая комедия, в которой
юмор всё-таки доминирует над философией, психологией и социологией.

ISBN 978-5-44-962447-5

© Сих А. С.
© Издательские решения

Средство от депрессии, или Психологическая помощь Александр Станиславович Сих

© Александр Станиславович Сих, 2019

ISBN 978-5-4496-2447-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Комедия в трёх действиях

Действующие лица

Роман Романович, писатель (юмор, сатира, ирония), 52 года.

Оксана Викторовна, его жена, деловая женщина, 45 лет.

Виктория, их дочь, студентка, 20 лет.

Виктор, молодой человек, 25 лет.

Валентин Ильич, сосед, актёр кино (роли второго плана, эпизоды), 59 лет.

Талик (Талейран), белый пудель.

События всех трёх действий происходят в квартире писателя и его семьи.

Занавес.

Действие второе.

Полдень. Роман Романович в своём кабинете. Сидит за письменным столом и усиленно пытается создать шедевр.

З а н а в е с.

Действие третье.

Четыре часа дня. Роман Романович, вздремнув после обеда, умывается и вновь заходит на кухню.

Виктор и Виктория уходят. Роман Романович и Оксана Викторовна стоят рядом возле закрытой двери. Писатель прижимается к жене и обнимает её.

О к с а н а В и к т о р о в н а. А парень-то вроде толковый. Мне понравился.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Чего же ты измывалась над ним целый вечер?

Оксана Викторовна. Дурачок, к основным вопросам биографии и рода деятельности, я устроила ещё одну проверку, главную – на психологическую устойчивость. И он её прошёл.

Роман Романович. (Задумавшись). А ведь совсем недавно всё это было и у нас?! Да, любимая?

Оксана Викторовна. Да, любимый. Кажется, это было, буквально, вчера. (Целуются).

Занавес.

Действие первое.

Утро. Кухня. Оксана Викторовна не спеша приступает к завтраку, а Роман Романович, умывшись, появляется с грустным выражением лица.

Роман Романович. Доброе утро, дорогая.

Оксана Викторовна. Доброе утро, дорогой.

Роман Романович. Приятного аппетита.

Оксана Викторовна. Большое спасибо, милый.

Роман Романович. (Искоса поглядывая на жену). Прости, что отвлекаю, а где мой утренний кофе?

Оксана Викторовна. Вон, пожалуйста, кофеварка, рядом баночка с кофе, там же, рядом, сахар, а в холодильнике молоко. Если пожелаешь?!

Роман Романович. Так его ещё надо приготовить?

Оксана Викторовна. Да, дорогой, сегодня надо.

Роман Романович. В таком случае, пожалуй, обойдёмся без молока. Что я, ребёнок, что ли, пить кофе с молоком?!

Оксана Викторовна. Оно и понятно, лучше, конечно, кофе с коньяком.

Роман Романович. Я не враг своему здоровью. (Грустно задумывается). Хотя, к чему то здоровье, когда...

Оксана Викторовна. Здоровье всегда пригодится. Даже, если просто так – на всякий случай. Например, на случай непредвиденных обстоятельств.

Роман Романович. Непредвиденные обстоятельства надо уметь предвидеть. Для этого существует аналитический ум и логика.

Оксана Викторовна. Ну что ж, логично. Попробуй этими качествами заварить себе хотя бы кофе?!

Роман Романович. (Хмыкнув). Легко. Надо воду сначала вскипятить?

Оксана Викторовна. По логике – да. А теперь, применяя аналитический ум, попытайся это сделать. Только очень прошу – будь осторожен! Не рискуй понапрасну!

Роман Романович. Чем же тут рисковать? Неужели я настолько неумеха, что готовка кофе для меня сопряжена с риском для здоровья?

Оксана Викторовна. Вообще-то, готовка кофе требует элементарного умения. Но в твоём случае, очень даже может быть.

Роман Романович. Ха! (Идёт к плите и что-то там манипулирует). Ай-яй-яй! Чтoб тебя!

Оксана Викторовна. Что случилось, дорогой?

Роман Романович. Палец обжёг! Твою, мою, и их, вместе взятых, родину!

Оксана Викторовна. Вот тебе и непредвиденное обстоятельство, которое не смогли предугадать ни твой ум, ни твоя логика. А Родина, дорогой, тут не при чём. Да и не надо так бурно реагировать на сущий пустяк. Ты же не сжёг его совсем? Что-то ведь осталось?! Да если бы и сжёг – не велика потеря. Девять-то осталось бы. Наливай в чашку. В чашку, а не рядом! Ну вот, получилось. Молодец! Сам приготовил несколько глотков кофе. Возьми

полотенце и вытри, пожалуйста, остальные глотки. Будем считать, что это ученический брак и съедем его, как издержки производства. Чтобы взбодрить желудок и этого хватит, хотя он и без кофе всегда бодрый и готов к труду. Он, видимо, в отличие от тебя, постоянно сдавал нормы ГТО?! Кстати, завтрак твой стоит в микроволновке. Погреешь и возьмёшь. Сможешь?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я очень постараюсь, дорогая.

Оксана Викторовна относит посуду в мойку, открывает балконную дверь и возвращается к столу. Роман Романович выпивает кофе, относит чашку тоже в мойку и идёт к микроволновке. Греет и достаёт.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ё-ё-ё... п, р, с, т и прочие литеры!

О к с а н а В и к т о р о в н а. (Закурив). Опять небольшое ЧП, дорогой?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Не смертельное. Куриная нога из тарелки выпала. Где наш дармоед, Толик? Пусть идёт, полакомится, паразит!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Не Толик, а Талик. От знаменитой фамилии Талейран. И ты прекрасно знаешь, что, имея такое аристократическое имя и утончённое воспитание, он не опустится до того, чтобы побираться. Положи в его тарелку, он потом подойдёт.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Шёпотом). Овсянки ему, аристократу собачьему!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Ты что-то сказал, дорогой?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я сказал, как хорошо, что не обе выпали. Хоть одна осталась. Уже не поем, правда, а только перекушу. (Ставит тарелку на стол и берёт хлеб и вилку).

О к с а н а В и к т о р о в н а. Как ты, вообще, можешь есть эту гадость, да ещё в такую рань?! Я удивляюсь!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я тоже удивляюсь, как ты можешь такую красоту называть гадостью?! Какая красивая корочка! Какой ароматный запах!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Не нагоняй на меня тоску. И я тебя прошу, не мой сам посуду. Пусть она останется целой. Клавдия придёт убираться, она и помоеет.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да что ж такое! Уже вилка упала. Никак, сегодня ждать незваного гостя?! С утра всё падает из рук. Невозможно нормально позавтракать!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Рома, если бы они приходили после каждого твоего падения...

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Дорогая, не моего падения, а падения предметов первой необходимости.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Если бы гости приходили после каждого падения предметов первой необходимости из твоих рук, в нашей квартире движение было бы, как в центре города. Ты бы, со своей интеллигентностью, из этой пробки добрался к туалету только к обеду, а к завтраку... мне даже страшно подумать, как ты смог бы выжить в таких экстремальных условиях!

Оксана Викторовна тушит в пепельнице сигарету и закрывает балконную дверь. После чего вновь садится к столу.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Рассерженно). Вот как сделал один нравственный урод слово «интеллигент» ругательным, а самого интеллигентного человека выставил каким-то ущербным слизняком, так до сих пор это лживое утверждение и доминирует в примитивном человеческом социуме. Я, конечно, понимаю, что это не что иное, как месть хамства воспитанию и приличию, именуемому культурой, в которой, к сожалению, уже давно хамство мимикрировало, адаптировалось и занимает ведущие посты. И вот, зная свою истинную суть, фальшивая интеллигентность беспощадно мстит интеллигенции натуральной. И эта месть тотальная. А бедному настоящему интеллигенту, дабы хоть как-то выживать в этой среде, приходится, как хамелеону, менять свой окрас, в зависимости от того, с кем он имеет дело. Теперь, хам – интеллигент, а интеллигент – чуть-чуть хам, чтобы его, как шпиона, не разоблачили.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Блестящая речь, хоть и сумбурная. (Смотрит мужу в глаза). Я так понимаю, дорогой, что вот сейчас, своим красноречивым ораторством, ты провёл этаким водораздел между мной – хамством, и тобой – наследственным интеллигентом? Или, как

ты утверждаешь, между интеллигенцией фальшивой и настоящей?! (Муж, ковыряясь вилкой, смотрит в тарелку). Я спрашиваю – провёл или не провёл? Отвечай!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Не громко). Провёл.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Упадок сил? Я не слышу?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Собирается с духом). Да, провёл!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Молодец! Заслужил награду за смелость. Можешь взять ещё одну курицу за ляжку. Только, милый, ты ошибаешься. Ты не сталкивался с настоящим бытовым хамством, иначе давно умер бы от заворота кишок, не дождавшись благородной смерти от инфаркта или инсульта. А у меня, дорогой, просто жёсткий характер, выработанный облачным детством, туманной юностью и ледяной молодостью. Чтобы разбивать ледяные торосы, пришлось стать ледоколом. А вот когда у человека характер тюфякообразный, а руки заточены пьяным токарем, то ему только и остаётся, как быть породистым интеллигентом!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. На что это ты целое утро намекаешь? А, дорогая?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Какие уж тут намёки, дорогой?! Сколько тебя знаю, в них ничего надолго не могло удержаться. Даже деньги протекали сквозь пальцы. И лишь благодаря мне, они не прилипали к чужим рукам.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Пафосно). Да! Я не торгош! Я художник слова! И в мыслях я бываю далеко! Отсюда моя творческая рассеянность, которую ты цинично именуешь бытовой неуклюжестью. Я и сейчас, может быть, с очередным персонажем гуляю где-нибудь на Елисейских полях. В каком-нибудь бистро ведём острые философские и сатирические беседы.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Только не сейчас, дорогой. Сейчас ты всеми мыслями и фибрами души возле этой куриной ноги. А потом, вполне допускаю, рванёшь и в бистро, которое совсем недалеко. В ста метрах от дома. Я там как-то проходила и видела надпись: «Поля благодати у Елисея». И та елисейская благодать, судя по выходящим, очень крепкая.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Серьёзно? Странно?! Живу рядом, а вот никакого Елисея, с его чудесными полями, не знаю?!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Я тоже удивлена, но познакомиться никогда не поздно.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Это несущественно и к делу не относится. Давай лучше вернёмся к прежней теме. Ты посмела, дорогая, упрекнуть меня в моей жизненной несостоятельности? В моей неуклюжести и бытовой непригодности?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Ну что ты, милый, я тебя не упрекаю. Я живу со всем этим уже много лет. А разве нет? Ты вспомни, когда ты смог уйти из-за стола, ничего не уронив?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я этого не отрицаю, но уже говорил и повторяюсь, что меня за столом подводит некоторая поспешность и творческая рассеянность.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Поспешность – да. Но не некоторая, а вся, что на столе лежит. А вот рассеянности за столом у тебя нет. Там ты предельно собран и сконцентрирован. А моментами, даже агрессивен.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Не надо делать из меня обжору. Этакого пищевого монстра и маньяка. Мне просто хочется всё попробовать. Я гурман. Тонкий дегустатор столового натюрморта.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Сколько тебя помню, гурманом ты был всегда, но никогда тонким.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Это не моя вина. У меня такая конституция – я склонен к полноте.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Прогрессивные люди конституции меняют. А если не меняют, то вносят поправки.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Меняют конституции и вносят поправки не прогрессивные люди, а имеющие власть, утверждая, что эта власть дана им народом. Чтобы, прикрываясь именем

народа, затягивать на его же, народа, животе пояс, а потом уже и на шее ремень, доказывая, что всё это делается исключительно и только на его благо.

Оксана Викторовна. Не надо с утра о политике. Лучше вспомни, как на нашей свадьбе ты ронял обручальное кольцо?!

Роман Романович. Я очень волновался, дорогая. И, как оказалось, не напрасно.

Оксана Викторовна. Три раза оно падало к нашему счастью, и лишь на четвёртый ты попал в цель. Хотя, и не в десятку.

Роман Романович. А куда? В девятку?

Оксана Викторовна. Примерно туда. Ты окольцевал мой мизинец. Я промолчала, а потом незаметно поменяла сама. Не хотелось с самого начала омрачать семейную жизнь.

Роман Романович. Лучше бы ты омрачила её тогда, чем все последующие годы! Лучше бы я вообще не попал на этот отросток! Дорогая!

Оксана Викторовна. Неблагодарный! Да ты со своими ручонками давно помер бы с голоду! Если бы ты жил до изобретения печатной машинки, а потом и компьютера, то побирался бы у паперти! Дорогой!

Роман Романович. Как бы не так! Я талантливый писатель!

Оксана Викторовна. Писатель, может быть, ты и не плохой, но кто прочёл бы написанное тобой, будь в твоей руке перо? Технический прогресс тебя спас. Наловчился тыкать по клавиатуре своими кочерыжками... дорогой.

Роман Романович. Ах, вот даже как?! Раньше ты до этого не доходила?! Ещё не переступала ту черту, за которой мирная семейная беседа превращается в бестактные, да и беспочвенные обвинения.

Оксана Викторовна. Всё это так, любимый, но в любых отношениях должен быть прогресс. Иначе, они закостенеют и покроются пылью и плесенью. Ты согласен?

Роман Романович. Пожалуй, ты права. Только с кочерыжками – перебор. Явное преувеличение. Гипербола.

Оксана Викторовна. С отростком у тебя тоже перебор. Гипербола вместе с параболой.

Роман Романович. Хорошо. Я забираю отросток, ты заberi кочерыжку, и продолжим нашу приятную беседу.

Оксана Викторовна. Договорились, милый. Они не кочерыжки – они сухие сучки на отмирающей ветке.

Роман Романович. Отмирающая ветка – это я? Такая вот, значит, аллегория?! Это очень жестоко с твоей стороны, дорогая! Если я сейчас в творческой депрессии, это ещё не значит, что я умер как писатель!

Оксана Викторовна. Боже упаси, дорогой! Твоя депрессия пройдёт, и ты опять напишешь шедевр. Но... только в том случае, если я буду рядом. Я твоя муза, твой катализатор и стимулятор, твоя путеводная звезда. Ну и, конечно, твой диктатор и тиран.

Роман Романович. Вот, это уже ближе к истине! Именно – диктатор и тиран!

Оксана Викторовна. Для твоего же блага, глупенький.

Роман Романович. Каждый диктатор прикрывается благими намерениями, пытаюсь скрыть или оправдать собственное зло! А благими намерениями устлана дорога... сама знаешь куда.

Оксана Викторовна. В моём случае, – к твоей жизнедеятельности и безопасности.

Роман Романович. (Понизив голос). Ну конечно, всё для меня и ради меня. Ты мне никогда не давала свободы действий. Инициатива всегда была в твоих руках. Со дня нашей свадьбы.

Оксана Викторовна. Именно! С первой брачной ночи. Я была просто вынуждена взять инициативу в свои руки, чтобы ночь наслаждений не превратилась в ночь страда-

ний. И до сих пор на мне держится вся материальная сторона нашего семейного бытия. Ты когда в последний раз о чём-нибудь договаривался? Занимался квартирными вопросами или постройкой и обустройством дачи? Ты хоть раз оплачивал коммунальные платежи? Молчишь?! Какую, мой дорогой, тебе надо свободу действий? Ты когда, вообще, в последний раз действовал? Не помнишь? Я тоже. А сходить к какому-нибудь Елисею или Прохору, я тебе никогда не запрещала. Ты свободен в своих передвижениях по местному околотку, а если тебе надо дальше, я тебя отвожу. Как личный водитель. Иногда срываясь с работы и бросая дела. Для собственного удовольствия я это делаю? Для твоего блага и безопасности! Ты же, как ребёнок, честное слово!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Понуро). Весь аппетит пропал. Даже не доел.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Не переживай, он появится сразу же, как только я уйду.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Оживляется). Да, кстати, ты случайно не опаздываешь?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Я не могу опаздывать. Я хозяйка. Я могу задержаться ровно на столько, на сколько сочту необходимым.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Извини, забыл. Теперь ты уже хозяйка.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Я ею была всегда. Только когда-то у меня был один подчинённый – ты, а теперь их сотни.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я им сочувствую.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Ты им должен завидовать. У нас дружный и сплочённый коллектив, где каждый знает своё дело и свои обязанности.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А свои права?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Их права прописаны в ведомостях о зарплате. И поверь, они ими довольны. Им некогда покрываться зелёной меланхолией и впадать в депрессию. По крайней мере, на рабочем месте. А ты сидишь целыми днями, чахнешь и уныло ждёшь вдохновения! А оно не приходит, оно гостит у других. А приходят только всякого рода бездельники и бездари, жаждущие славы! Как тараканы пробираются, через любую щель пролезут!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да, ползут, паразиты, наслышанные о моей доброте и не зная о моём кризисе. Некоторые, в своей лести, противны до омерзения! (Пауза). Оксана, ответь мне на один вопрос?! Если я такой... неуклюжий, бесхребетный, да и красавцем никогда не был, то почему ты вышла за меня замуж?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Рома, дорогой, может, хватит на сегодня приятных огорчений? Будет с тебя.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Нет, не будет. Этого вопроса я тебе ещё ни разу не задавал. Хотя всегда хотелось.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Но всегда боялся узнать правду?! Ты всю жизнь пасовал перед жёсткой реальностью, предпочитая жить в своих сюжетах и со своими вымышленными героями.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А вот сегодня взял, да и набрался храбрости!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Хорошо, уговорил. Кто была я? Провинциальная деваха, с огромными способностями и минимальными возможностями. Ты – талантливый, начавший приобретать известность, рохля из интеллигентной, обеспеченной семьи со связями. Как только я узнала, что твой папа главный редактор серьёзного журнала, а мама – главбух крупного предприятия, так сразу влюбилась в тебя до беспамятства.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Очень серьёзно). Это правда?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Это не важно. Главное – у нас с тобой всё прекрасно. Замечательная дочь, налаженный быт, да и вообще – сплочённая и дружная семья. Я бы сказала – монолит!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да, ты как всегда права.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Я знаю. Но всё равно приятно слышать твою объективность.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я не об этом. Я о вдохновении. Сижу, чахну, а оно не приходит. Оно гостит у других. У Альбертов разных! Неужели я исписался? Это ужасно! Уж лучше повеситься, чем жить выжатым фруктом!

О к с а н а В и к т о р о в н а. На веренице сосисок, чтобы, проголодавшись, смог перекусить. А если серьёзно, дорогой Романчик, надо почаще гулять. И не здесь, в этом городском смоге, дыша то выхлопными газами, то алкогольными парами, а за городом. Например, на нашей даче. Там нет людской суеты и автомобильных столпотворений, там природа – тишина и покой. Кругом лес, рядом речка, а воздух! И даже солнце там светит по-особому.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Насупившись). А в лесу очень много деревьев.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Естественно, что в лесу очень много деревьев.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. На любом из которых, выбрав по вкусу, можно повиснуть, зацепившись шеей за верёвку, которая предварительно привязана к крепкому суку. В тиши и покое, без помех и лицемерных нравоучений. Жаль только, что в это время года все деревья для меня одинаковые.

О к с а н а В и к т о р о в н а. (Зло). Дурак! Чтобы я больше такого не слышала! (Спокойно). Твой возраст – это самый расцвет творчества! Когда на смену легкомысленным глупостям, приходит глубокомысленная мудрость.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ничего ко мне приходит! Ни мудрости, ни вдохновения! Наверное, у меня уже всё отцвело?! Наступает печальный процесс увядания.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Неужели, всё? Ты скромничаешь, дорогой! Процесс увядания характеризуется отторжением всяких телесных благ. Как то, например, потерей аппетита и безразличностью к противоположному полу. Ни того, ни другого я за тобой не наблюдаю. Вечером, в телевизоре, как увидишь полуобнажённую смазливую особь, так мгновенно срабатывает рефлекс самца – слюновыделение и неугасимый блеск в глазах, которые, как у кота, начинают светиться даже в темноте.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Что ты выдумываешь?!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Мне ли этого не знать, когда они полчаса сверху смотрят на меня, не мигая! А с желудочным аппетитом дела обстоят и того хуже.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Не говори глупостей, видишь – нет аппетита.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Свой аппетит ты просто подавляешь. Назло мне. И глупости, опять-таки, говоришь назло мне. Которые, кстати, говорить никогда не следует.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А что я такого страшного сказал?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Ты сказал то, за что в моей глуши, откуда я родом, старшие люди били по губам, а умные ровесники – по зубам. А насчёт дачи – подумай. Дельное предложение. Я отвезу. Ты там вмиг забудешь о своей депрессии.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Что, думаешь, природа так благотворно на меня подействует?

О к с а н а В и к т о р о в н а. (Чуть улыбнувшись). И природа, конечно, тоже, но главное, что ты будешь поставлен в жёсткие условия выживания. Тебя одного отправить на дачу, что другого забросить в джунгли. И ещё не известно, у кого больше шансов выжить.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ах, так! А вот и поеду! И прекрасно проведу время! Вечерние сумерки сгущаются над безмолвным лесом, я сижу в полумраке уединённой хижины, пристанище одинокого волка, и наблюдаю отблески от пылающего камина, которые на стенах и потолке причудливо рисуют пасторальные картины средневековья. Огненные блики весело играют по комнате, переливаясь калейдоскопом яркого разноцветья на бутылке с вином и на бокале...

О к с а н а В и к т о р о в н а. (Насупив брови). Нет, пожалуй, на дачу одного я тебя не отпущу.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Боишься, что сопьюсь?

Оксана Викторовна. Это не самое страшное. Там надо колоть дрова и топить камин. Ты в первый же день покалечишь себя, а потом, приняв анестезию и причудливо переливаясь калейдоскопом яркого разноцветья, спалишь дачу. После чего будешь весело играть с огненными бликами по комнате, пока не задохнёшься и не сгоришь.

Роман Романович. Ты нарисовала ужасную картину. Я не хочу такой смерти.

Оксана Викторовна. А я, хоть и покажется тебе это странным, вообще не хочу твоей смерти.

Роман Романович. А давай вместе?

Оксана Викторовна. Весело поиграем с огненными бликами, переливаясь разноцветьем бутылок и бокалов?

Роман Романович. Махнём на дачу! И огненные блики будут не страшны, и игры с бокалами и бутылками ограничим. А будем переливаться разноцветьем счастья и...

Оксана Викторовна. Ты же знаешь, что я не могу. У меня уйма дел. А может тебя в деревню к моему брату? Там у нас такая красота! И ты не один – под присмотром.

Роман Романович. Ты хочешь от меня избавиться?!

Оксана Викторовна. Очередная глупость. Я пытаюсь избавить тебя от пустой, дуратской ипохондрии, а заодно, предоставить свободу действий, которую ты так жаждешь.

Роман Романович. (Глядя в стол). Я не жажду свободы.

Оксана Викторовна. Вот это новость! Ты противоречишь сам себе. И если на то пошло, то я всегда считала, что человек, создание Божье, должен рождаться свободным, и его стремление к хотя бы относительной независимости должно присутствовать в нём всю жизнь, несмотря на изощрённые попытки сородичей по виду гомо сапиенс его закабалить.

Роман Романович. Это демагогия. Человек рождается должником. А может, и того хуже – рабом, хотя многие рабы считают себя свободными гражданами.

Оксана Викторовна. Я же сказала – относительная независимость. А вот рабами, по большей части, мы становимся сами, становясь добровольно заложниками своих страстей. А психологическое рабство – самое страшное рабство человека. А вот стремление к разумной социальной независимости – это нормальное желание каждого человека. И чем сильнее напор агрессора, тем сильнее сила воли и духа индивидуума этому напору противостоять. Она должна быть прямо пропорциональна, а не обратно. Именно этим качеством определяется личность.

Роман Романович. Ну вот, а у меня обратно.

Оксана Викторовна. (Смотрит на часы). Что, обратно? Обратно боли в желудке? Говорила я тебе – не ешь эту гадость по утрам! В обед – и то чуть-чуть. А он всё пихает в себя разную дрянь!

Роман Романович. Да нету у меня никаких болей! И не надо мясо птицы называть дрянью.

Оксана Викторовна. Курица не птица.

Роман Романович. Что же ты только первую часть народной мудрости сказала? Не хватило смелости закончить? Ладно, я сам: курица не птица – баба не человек. Не трудно, правда?

Оксана Викторовна. Правда, но только первая часть, а вторая – лживое оскорбление. Так что там у тебя обратно?

Роман Романович. Я имел в виду, что моя сила воли и духа обратно пропорциональна твоему напору. И вообще, я подозреваю, что эта сила давно растворилась в твоём стремительном, сокрушительном водовороте энтузиазма.

Оксана Викторовна. Я это знаю, милый. Поэтому я тебя очень сильно люблю. Тихо-тихо, дорогой, не надо опровержений и возмущений. Прения на сегодня считаю закрытыми. Мне пора. Задерживаться тоже следует до известных приличий, иначе подчинённые начнут неприлично сплетничать, вместо того, чтобы прилично работать.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну и какая тут социальная свобода?!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Социальная свобода в том, что каждый из них имеет полное право в любой момент плюнуть на всё и уволиться. Каждый решает сам, как ему жить и чем добывать хлеб насущный. А ещё, милый, каждому своё – тебе философствовать, изредка подрабатывая, а мне работать, изредка философствуя.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ах вот, значит, ты как?! По-твоему, значит, что я полный бездельник?! Иждивенец и тунеядец?!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Угомонись, Рома. Ты только полный, а значит – добрый. И злиться тебе не к лицу.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да чего уж там – не к лицу, говори откровенно – не к пухлой роже.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Я такого никогда не скажу, но тебе, конечно, виднее.

В кухню, после душа, входит дочь Виктория.

В и к т о р и я. Желаю здравствовать, дорогие родители! (Отец и мать здороваются). Устали? Надеюсь, утренняя гимнастика закончена? (Родители молчат). Очень хорошо. Можно спокойно выпить кофию. (Начинает пристально смотреть на мать). Мама, ты плохо спала?

О к с а н а В и к т о р о в н а. (Настороженно). Нормально я спала. А что?

В и к т о р и я. У тебя мешки под глазами, а на мешках морщины.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Откуда они могли взяться?! Я же утром наводила марафет, всё было в полном ажуре. (Расстроено). Ничего не понимаю?! (Уходит к зеркалу, а дочь рассматривает голову отца). О-па! Ни фига себе! Папа, у тебя на лысине начали прорастать мягонькие пушистые волосики! Как у младенца! Через недельку очень будут гармонировать с твоей бородкой. Сами пошли в рост или применял какое-нибудь контрабандное средство? (Отец молча направляется в прихожую, на ходу рукой поглаживая лысину). Какая красота! Тишина и блаженство. (Подходит к плите, мурлыча что-то под нос, но тут возвращаются родители). Всё возвращается на круги своя. Улыбнитесь, любимые родители! С первым апреля вас!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Точно! Спасибо, дочь, за своевременную шутку. Не попасть впросак на работе. А как бы это мне пошутить? Не по мелочи, а по крупному!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Скажи каждому в отдельности, что он уволен.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Грубо и не смешно, гражданин сатирик-юморист!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я же говорю – пора к деревьям.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Да уймись ты, натуралист!

В и к т о р и я. Скажи, что повышаешь зарплату.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Такими вещами не шутят.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А ты скажи, что повышаешь зарплату, но придётся сократить штат.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Иди собирай вещи!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Зачем? Куда?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Повезу на дачу. Там много деревьев.

Муж, обидевшись, медленно уходит, но жена догоняет.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Извини, мой дорогой, мой любимый! Я бываю не сдержанна, импульсивна, капризна, даже иногда жестока к тебе, потому что я сильно люблю тебя! Ты моя единственная отдушина! Я же не могу так себя вести на работе?! Я не могу себе позволить быть капризной, несдержанной, импульсивной особой. Я даже не имею права быть жестокой. Но я же женщина. Твоя. А ты мой мужчина. А настоящий мужчина должен не то что прощать наши слабости, он обязан их не замечать. А в ответ на наши шалости мужчина должен выказывать благородство, чуткость и снисходительность. Рыцарь ты мой! Хоть, правда, и печального образа. Ты меня простил, родной?

Писатель молча возвращается обратно.

В и к т о р и я. А что тебе мешает в действительности повысить зарплату, не сокращая штат?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Эх, доченька, ты ещё слишком молода и наивна. Я ещё не встречала бизнесмена, который добровольно, от щедрости души, повысил бы зарплату персоналу, не рискуя при этом получить инфаркт или инсульт. Знаешь, как трудно отдавать, когда ненасытный спрут алчности изо всех сил этому противится?! А ведь я далеко не скряга!

В и к т о р и я. Ма, а ты попробуй хоть изредка делать добрые дела?! Не только семье, но и людям. А вдруг понравится?!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Очень часто добрые дела оборачиваются злом. Причём, именно благодетелю. Парадокс человеческой натуры.

В и к т о р и я. И всё-таки, попробуй. Не проверив, не узнаешь.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Легче сказать, чем сделать. Но я постараюсь. Вика, ты, как тот Петросян в своём старом монологе, дала установку на добро. Главное, не передумать по дороге на работу, да и на работе, чтобы ни одна сволочь не сбила с правильного пути. Ладно, я уже в пути. Пока. Любимый, до встречи вечером! Но в обед я позвоню.

Оксана Викторовна уходит.

В и к т о р и я. (Вдогонку). Счастливого пути! И будь тверда в своём решении!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. И я... на дачу. Где вокруг много-много деревьев.

В и к т о р и я. Я, когда шла в душ, мельком слышала твои позитивные мысли относительно природы, и в частности – целевого использования деревьев. Однако, папа, это уже не смешно.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А ты думаешь, я шучу и свечусь юмором?! Для писателя творческий кризис равносителен физической коме. Он, вроде, ещё не умер, но уже и не живёт. (Натянуто улыбается). Ладно, поменяем тему. Попробуем приободриться. Ну, рассказывай, краса, какие в мире чудеса? В университете что творится? Декан не шибко ли глумится?

Всё это время Виктория готовит завтрак, а потом завтракает.

В и к т о р и я. Жизнь студента хороша, когда сессия прошла! А до следующей далече, зажигаем каждый вечер! А декан у нас хороший, на султана он похожий! Мы в мечтах его парим, а он жалеет, что мы не гарем!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Лучше так: девушки в мечтах его парят, страстью глаза его горят. Всех мечтает он обнять и страстно в уста расцеловать. Что, падок на молоденьких студенток?

В и к т о р и я. Да, большой ценитель девичьей красоты.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А годиков-то ему сколько?

В и к т о р и я. Он у нас недавно. Прежний-то ушёл на пенсию, а этот... ну, примерно, твоего возраста.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. О, так он ещё совсем молодой мужчина! В таком случае, для него это вполне нормально, если, конечно, он не отлавливает девушек в скверах и подворотнях тёмными ночами и не навязывает силой свою пламенную страсть?! Можно эстетически ценить и восхищаться женской красотой, без нравственных извращений и уголовных наказаний. А ведь именно в твоём возрасте женская красота только начинает расцветать. Она ещё нежна и хрупка, наивна и доверчива, тянется навстречу теплу и ласке. Тут, главное, не обжечься. Или ещё что? Может, ты не всё договариваешь? Может быть, этот старый волокита делает непристойные намёки?

В и к т о р и я. Уже старый? Как-то быстро он постарел?! А если честно, то я точно не знаю, но слухи разные ходят.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (С негодованием). Но тебе, надеюсь, старый хрыч ничего такого-этакого не предлагал? Иначе, я ему... ух, что я сделаю!

В и к т о р и я. (Лукаво). Не знаю, почему, но не предлагал. И даже не намекал. Может, я не в его вкусе? Или, может быть, я некрасивая? Как ты считаешь, папа?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. О вкусах, конечно, не спорят, а вот некрасивой ты быть никак не можешь. Ещё маленькой тебя все называли красотулей и очаровашкой, и утверждали, что ты – вылитая я!

В и к т о р и я. А-а, ну тогда я спокойна. Если и не за красоту, так за обаяние и шарм.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А ещё за ум и доброту. А всё вместе, это и есть красота! Так что, ты, скорее всего, не в его вкусе. Который, кстати, крайне специфичен и индивидуален. Одним словом, – неправильный вкус. Ну да ладно, что с дурака взять?! Главное, чтобы этот вкус не довлек дамокловым мечом над разумом, иначе он сделает из человека раба страсти. А это, доченька, уже хождение по лезвию социального и психологического кинжала.

В и к т о р и я. Наверное, всё-таки, чуть-чуть довлеет. Иногда замечала, что, когда он смотрит на некоторых пышных сокурсниц, в коротеньких юбках или в плотно прилегающих брюках, глаза начинают блестеть, нижняя губа оттопыривается, и кажется, что ещё немного, и по ней начнёт стекать противная слюна вожделения. Но потом он быстро спохватывается, тушит в глазах блеск, проглатывает слюну и закатывает губу.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Наглядно делает глотательное движение и улыбается). Мне кажется, что тебе это кажется. Ну не надо по таким мелочам судить о человеке! И вообще, даже если он впадает в ступор от пышных девушек, то, по большому счёту, это его личные проблемы. Лишь бы человек он был неплохой, и справедливость была ему не чужда. Мне бы его заботы. (Задумывается). Только этого ещё не хватало! Тут бы со своими управиться! Потому что у меня действительно трагедия! Трагедия комедиографа. Каково?! Ужас! Кошмар! Всю жизнь писать комедии, чтобы потом ощутить трагедию собственно жизни?!

В и к т о р и я. Извини, папа, но настоящая трагедия жизни бывает в другом. Посмотри вокруг, сколько обездоленных, смертельно больных, инвалидов?! А когда люди оказываются в очаге войны?! Вот это трагедия, а у тебя так... творческая драма. Не более.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. В этом плане, доченька, ты, конечно, права. Но все мы, в той или иной мере, эгоисты, а ты не представляешь, что значит для литератора моего жанра утратить острое, разящее слово?! И вообще, – склонность к остроумию. Это... как самураю потерять в битве свой меч! Хотя, в битве ещё куда ни шло, а если по пьянке?!

В и к т о р и я. И всё-таки, папа, ты слишком преувеличиваешь сложившуюся ситуацию. Делаешь, что называется, из мухи слона.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Викуля, какая уж тут муха – самый натуральный слон! Когда отдельные предметы нашей прекрасной природы навевают не что-то возвышенное, а самое низменное и... греховное – пиши «пропало». Это единственное слово, которое мне осталось написать.

В и к т о р и я. И тут ты не прав. Ты заложник своих негативных мыслей. Во всём надо стараться видеть позитив и ко всему относиться философски. А ещё лучше – стоически. Ведь именно в такие моменты жизни раскрывается суть человека – его характер, его воля.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да знаю я всё это! Только вот поделать ничего не могу.

В и к т о р и я. Лучше вот над чем поразмышляй: не ощутив сильную жажду, не получишь удовольствия от воды; без падений не бывает подъёмов; не впадая в грусть, не вырвешься к радости; не преодолев тернии, не достигнешь звёзд.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Не подышав смрадом в подземном каземате, не сможешь с наслаждением вдохнуть уличный воздух?! Даже, насыщенный выхлопными парами. А ещё – не побывав на войне, не постигнешь степень страха, цену дружбы и низость предательства?!

В и к т о р и я. В принципе, всё верно. Но это, папа, очень сильные сравнения. Даже страшные. И лучше ничего этого не знать. Мои «крылатые выражения» куда мягче и добрее.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Но и эти мысли слишком глубоки для твоего возраста. Даже, скорее, не для возраста – для твоего поколения. Меня это одновременно и радует, и пугает. Не боишься стать в стае белой вороной? Вороньё не терпит инакоокрашенных.

В и к т о р и я. Вот такого, папа, я от тебя не ожидала?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Какого, такого?

В и к т о р и я. Нельзя считать прошлое поколение лучше нынешнего. Это не мудро. А меня ты вообще обособил от всех моих современников. Кругом все дураки, а дочь твоя вот такая умница, аж страшно?! Поколение не может быть ни плохим, ни хорошим. Ни глупым, ни умным. Ни талантливым, ни бездарным. Оно во все времена разное, только каждому поколению навязывают чуть другие идеологии, чуть другие ценности и, с развитием технологий, новые виды удовольствий и зависимостей.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да, Вика, ты права. Извини. Просто я не часто имею возможность обстоятельно и глубокомысленно беседовать с твоим поколением. А те представители, которые иногда посещают меня, извини, но никак не относятся к лучшим представителям человечества.

В и к т о р и я. Молодец, что осознал. Я веду не столь уединённый образ жизни, поэтому общаться мне приходится с разными представителями моего поколения. С дураками, пижонами и прожигателями жизни – в том числе. Но я, как человек не конфликтный, могу поддерживать разговор с каждым из них. Хотя, порой, это бывает не просто.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Это, наверное, не просто – не просто, а очень даже тяжело?

В и к т о р и я. Бывает, но не всегда. Потому что не глупый человек всегда знает – что, когда и кому говорить, а когда лучше попросту промолчать. А ещё, папа, наша беда в том, что мы пытаемся кого-то играть, изображать. Стараемся показать себя не теми, кем являемся по сути своей. Особенно, это свойственно молодости. А когда этот процесс затягивается, то многие найти себя настоящего уже не могут. (Улыбается). К тому же, в отличие от сегодняшней нашей с тобой беседы, со своими сверстниками у меня другие темы и несколько другие лексические выражения.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ах, вот оно что! Ты, оказывается, у нас двуликий Янус, как политики, дипломаты и коммерсанты. Надеюсь, однако, что различие тебя домашней от тебя социальной не радикально различное?!

В и к т о р и я. Ну что ты, папа! Я никогда не ругаюсь матом и почти не использую какой бы то ни было жаргон. Лишь слегка молодёжный сленг. Я не ору, никому не доказываю криком свою правоту, но и не заискиваю, не лицемерю и стараюсь не лгать, даже для пользы дела и красного словца. Мне врать противно. (Улыбается). Так что, и со мной многим бывает не просто. Вот какая я!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Сумбурно). Все мы, конечно, сотканы из противоречий, плюсов и минусов, недостатков и достоинств, но вот... аж так категорично?! Нет, ну, врать, конечно, плохо... и нельзя... особенно родным людям. Но чтобы уж вот так... аж прямо противно... это, всё-таки, наверное, перебор. Немножко. Чуть-чуть. Самую малость. Иногда ведь в разговоре приходится слегка приврать, sluкавить. Не обманывать, нет! А вот... для тех же – пользы дела и самосохранения. Или просто, для сохранения чего-нибудь.

В и к т о р и я. Папа, ты чего? Я не собираюсь тебя уличать в каких-то мелких и личных моральных правонарушениях! На эту тему тебе лучше вести диалог со своей совестью.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да это я так, к слову, и вообще... абстрактно подумал. Эх, Вика, если бы наша совесть стала мерилom и катализатором наших поступков, то человечество жило бы в совершенно ином мире. Ладно, оставим утопии писателям-утопистам, а мы, реалисты, вернёмся в нашу трясиину. Если у тебя ещё есть время, то, может, попытаешься ещё утешить отца печального образа? Найди антидепрессантные слова, оживляющие творческую душу?! Полей елеем и бальзамом моё израненное сердце!

В и к т о р и я. Все нужные слова на все случаи жизни давно сказаны людьми, намного умнее и мудрее не только меня, но и тебя, папа. (Опять улыбается). Да, папа, не удивляйся, но были такие люди. (Писатель улыбается в ответ). Ну вот, например, самое древнее и мудрое изречение: « Всё пройдёт»...

Р о м а н Р о м а н о в и ч. И это тоже?

В и к т о р и я. Обязательно и непременно!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А что-нибудь посовременнее?

В и к т о р и я. Э-э, а вот, пожалуйста, самое современное! «Только в созерцательной меланхолии рождаются глубокие философские мысли». Ну как?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да, созерцая в меланхолии лес, теряешься и не знаешь, какой древесной породе отдать предпочтение.

В и к т о р и я. Ты опять за своё! Выбрось эти чёрные мысли из головы! Ведь чёрную полосу всегда сменит белая, после ночи закономерно наступит день, после зимы неминуемо придёт цветущая весна. И ждать, кстати, совсем недолго. Тебе этого мало?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Мало. Потому что после суетной жизни всегда придёт смерть и всех успокоит, уравнив в правах, обязанностях, богатстве, власти и таланте.

В и к т о р и я. А вдруг всё не так?! И вообще, папа, о смерти надо постоянно помнить, но постоянно о ней думать вредно.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Какой, однако, умный парадокс?!

В и к т о р и я. Если парадокс не умный, то это словесная чушь.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. К сожалению, умные парадоксы тоже бывают чушью. Ум и мудрость частенько ходят разными дорогами.

В и к т о р и я. Ладно, оставим умные и мудрые парадоксы для умных мудрецов. Но даже я знаю, что написать остроумный, со смыслом и скрытым подтекстом, без лишней пошлости, юмористический рассказ куда сложнее, чем толстый любовный роман или примитивный боевик. Вот поэтому, большие писатели-юмористы приносят себя в жертву литературе. А также читателю и зрителю. И счастье, когда находятся те, кто их поймёт и оценит. Вспомни слова Мюнхгаузена, сказанные с его помощью талантливым Гориным: «Для тех, кто смеётся, смех удлиняет жизнь, а для тех, кто острит – укорачивает». Примеров уйма, в том числе – и сам Горин. А О. Генри?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Генри спился.

В и к т о р и я. Это следствие, а причина? Вспомни его рассказ «Исповедь юмориста»?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я думаю, его судьба намного сложнее и трагизм жизни кроется не только в творчестве?!

В и к т о р и я. Да, главная трагедия его жизни – это одиночество: и физическое, и духовное. А творческая трагедия, это не столько литературная опустошённость, сколько невозможность писать то, что хочется. Он писал в угоду издателю, а любому издателю нужна прибыль. А прибыль даёт массовый читатель, а массовый читатель – это толпа. Однажды попав в капкан собственного жанра, впоследствии автору очень тяжело убедить массового читателя в своём разностороннем таланте и глубоком философском мировоззрении. Редкий читатель сумеет это понять и принять. Ты же, папа, свободен в своём творчестве и не одинок. Просто у тебя небольшой творческий ступор на данном этапе духовной эволюции. Надо не страдать от него, а осмыслить его.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну да, всё верно, не я первый, не я последний. Я подумаю на досуге о твоих словах. Однако, милый мой утешитель, давай вернёмся к твоим фразам. В частности – к последней, современной. Мне она понравилась, вот только хотелось бы уточнить авторство. Кто тот созерцательный меланхолик?

В и к т о р и я. (Поспешно). Папа, лучше не спрашивай и не выпытывай! Я всё равно не вспомню. Да это не так уж и важно. Мне более важен смысл сказанного, а не сам автор. Хорошая мысль врежется в память намертво, а вот родитель мысли, почему-то, тускнеет и стирается. А значит, автор – вторичен, а мысль – первична!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну вот, договорились! Видимо, я поспешил с оценкой твоего мудрого потенциала?! Как же так, Вика?! Тебе плевать на человека, который, может быть,

после многолетних духовных поисков нашёл своё небольшое зёрнышко истины и облёк это зёрнышко в словесную форму? В назидание потомкам! А тебе, понимаешь, начхать на его страдания в поисках камня. Я имею в виду – философского.

В и к т о р и я. Папа, не передёргивай. Мне на этого человека совсем не наплевать и не начхать. Более того, он мне очень дорог. Но так уж я устроена, что запоминаю мысль, если она мне понравилась, а вот с автором этой мысли дела обстоят худо. Я не виновата, это всё проделки мозга. Он порой выкидывает и не такие фортели.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну, конечно! Всегда проще свалить вину на кого-то! И если следовать твоей логике, то не мы управляем мозгом, а мозг нами?

В и к т о р и я. А разве не так?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Так-то оно так, но с таким же успехом мы можем заявить, что нами управляет инстинкт, и если что не так, то его и судите?! А я здесь ни при чём.

В и к т о р и я. Вот мозг и призван контролировать инстинкты. В человеке должен обладать разум. (Задумывается). Хотя, почему он тогда выкидывает фортели? И почему люди сходят с ума? И почему одно и то же событие люди оценивают по-разному? Потому, что у каждого своё мнение?! А кто формирует это мнение? Мозг? Разум? Инстинкт? От всех этих мыслей, можно вывихнуть мозг, утратить разум и сойти с ума. (Смеётся).

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А от всех этих напастей может спасти только одна вещь, которая в грубом материализме шельмуется и допускается, как метафора и аллегория. Это, Викуся, наша душа. Именно она первична! И посему, именно она и должна нами управлять. А иначе, что получится, когда мы, единое целое, станем обособлять и наделять каждую часть тела суверенитетом? Забыл – виновата память, солгал – виноват язык, укусил – виноваты зубы, ударил или украл – виноваты руки. Интересно мы с тобой балагурим, правда?

В и к т о р и я. Лишь бы тебе это было на пользу. Вот в старину, видимо, поэтому и применяли такие казни, как вырывание языков, отрубание рук, выбивание зубов, ослепление. А как ты думаешь, что делали с насильниками? (Оба смеются). Я думаю, эту казнь следовало бы узаконить. Для них это было бы страшнее смерти.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Жуткое дело. Даже страшно подумать, не то что представить. (Меняет тему). Так кто же тот философ, на которого тебе не наплевать и не начхать, но имя которого ты так беззастенчиво забыла? Ведь все великие мысли являются продуктом духовно выстраданным, и автор должен быть человеком, в этом плане, авторитетным и нравственным, имеющим моральное право на подобные высказывания. А иначе, он лицемер и ханжа. Тартюф! (Глядя в сторону). Да, вот так мы и забываем имена лучших представителей человечества.

В и к т о р и я. Я не думаю, что автор этой фразы настолько лучший представитель человечества, что его имя должно жить в потомках?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну, не скажи! Это большой мудрец! Только вдумайся: «только в созерцательной меланхолии рождаются глубокие философские мысли»?! А, каково? И кто же всё-таки родил такую глу-у-у...

В и к т о р и я. Что, заело?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Растерялся от философской антитезы – глубокую или глупую?

В и к т о р и я. Ну, почему же глупую? Скорее, всё-таки, глубокую.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Не хочу оскорблять неизвестного автора, но на мой взгляд, его мысль глубоко глупая.

В и к т о р и я. Это почему ещё?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну, потому, например, что я за полгода созерцательной жизни не родил ни одной философской мысли. Да что там не родил – даже не забеременел ею!

В и к т о р и я. Это частный клинический случай, требующий срочного реанимационного вмешательства. И я уверена, после этого ты сразу начнёшь беременеть и тут же рожать

великое множество прекрасных, глубокомысленных острот, которые, объединившись, вырастут в новый литературный шедевр.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (С улыбкой). Не увиливай. Я требую автора! Я должен запомнить этого проходимца и лжеца!

В и к т о р и я. (С ответной улыбкой). Папа, после такого несправедливого обвинения, автора я называть не хочу, но хочу со всей ответственностью заявить, что автор, может быть, и не очень авторитетный, но точно не проходимец и не лжец! И даже вполне нравственный человек. Ну, насколько может быть человек нравственным в нашем безнравственном мире.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Мир не может быть нравственным или безнравственным, это привилегия людей. Но я, наконец-то, нашёл автора. Хотя подозревал уже давно. Быстренько придумала, в надежде вселить в меня надежду?

В и к т о р и я. Да, но ведь хорошо придумала?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Даже исключив оторванность мысли от реальности, в этом афоризме нет ничего оригинального и остроумного. Извини, дочка, ты мне друг, но истина дороже.

В и к т о р и я. В этом компоненте с тобою трудно соперничать.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ответный удар? Мощный, хлёсткий, который, чувствую, отправляет меня в новый депрессивный нокаут. Вся работа по восстановлению трудоспособности насмарку.

В и к т о р и я. Ну извини, папа. Несмотря на мою к тебе любовь, я привыкла отвечать взаимностью. Да и в борьбе с депрессией все средства хороши. Иногда утешить и погладить, а иногда дать пинка и хорошую оплеуху. Я не подумала, что ты настолько слаб.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я не слаб, но родному отцу пинка и оплеуху?! Попробуй такое выдержи?! Даже отец супертяж может рухнуть.

В и к т о р и я. Мой удар чисто метафоричен, и он совсем не мощный. Хотя, твоя депрессия, это тот редкий случай, когда цель, повторяю, оправдывает все средства, а близкое родство лишь усиливает поиски всевозможных средств спасения родного человека.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Вот так мы зачастую, прикрываясь заботой о ближнем, оправдываем свою жестокость. Если бы я использовал подобные средства в твоём воспитании, то взрастил бы холодного циника, обозлённого на всё человечество.

В и к т о р и я. Я закономерно не превратилась в холодного циника именно благодаря твоему нежному и чуткому воспитанию. За что несказанно благодарна. А также благодарна за то, что вы с мамой, имея одного ребёнка, не вырастили избалованную и капризную принцессу, а прививали чувство ответственности, скромности, доброжелательности и терпения. (Смеётся). Получив от вас душевную теплоту и сердечную любовь, я со всеми очень сердечна и душевна. Я прямо-таки искрюсь добротой! Жаль только, что в наше циничное время душевную щедрость частенько приходится скрывать под маской «снежной королевы». Мама от этого душевного противоречия страдает больше всех.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Оставим в покое маму, пусть спокойно работает, а вот касательно циничности времени, то это глупость. Вернусь к тому, о чём я уже говорил. Время не может быть ни циничным, ни доброжелательным. Это наша подлая и трусливая уловка, когда, с умным и печальным выражением лица, свою ответственность мы перекладываем на эпоху, век, времена. Полный бред! Точно такой, когда я говорил о поколении. Во всём, что происходит, виноваты только мы, люди. Причём, – все поголовно! А вот то, что ты согрета летними солнечными лучами, получив загар любви и ласки, но избежав ожогов чрезмерного эгоизма, это правда. Нам с мамой удалось найти в воспитании ту золотую середину, когда, не применяя насилия, но и не балуя бездумно, человеческая особь вырастает в настоящего, полноценного человека. Но! Но это, я думаю, частный случай. В человеческой природе, как

и в природе вообще, иногда очень полезно, когда прольётся в летний зной дождь, сопровождаемый громом и молнией. Вот...

В и к т о р и я. Извини, папа, всё это очень интересно, но мне надо собираться. Уčenje – свет, причём, зелёный, который даёт право движения вверх.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Это так. Без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек. И никакие социальные потрясения не изменят сложившееся статус-кво. Пожалуйста, Вика, ты собирайся, а я, с твоего разрешения, продолжу. (Дочь уходит в свою комнату, оставляя дверь приоткрытой. Отец останавливается возле двери, продолжая говорить). Вот раньше детей воспитывали в жёсткой дисциплине, и порядок был – будь здоров! Не то что теперь. Родителей на «вы», за столом – только после отца, а попробуй послушаться или огрызнуться...

В и к т о р и я. Читал где-нибудь или в старых фильмах видел?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Улыбаясь). И читал, и в старых фильмах видел, и, наверное, так было правильно?! Пока ребёнок несмышлёныш, ему нужен мудрый и грозный авторитет.

В и к т о р и я. А тебя, папа, как бабушка с дедушкой воспитывали? Насколько я их помню, они мухи не обидели, не то что родное дитя?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ты их плохо знала. Они тебя баловали, потому что ты у них одна единственная внучка. А меня в детстве они держали ого-го! (Сжимает на согнутой в локте руке кулак). Не забалуешь!

В и к т о р и я. Но ты же у них единственный сын?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Вот именно! И несмотря на это, представь себе, меня трижды ставили в угол!

В и к т о р и я. В неделю? В месяц?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ещё чего! За всё детство.

В и к т о р и я. Да они просто тираны и деспоты!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну, хватит над отцом насмехаться. Смею тебя уверить, что в тот момент именно так я и считал. Таких слов я ещё не знал, но знал слова «гад» и «сволочь». А теперь это, выражаясь публицистическим лексиконом, называется – подвергался жёстким и безосновательным репрессиям.

В и к т о р и я. На реабилитацию потом не подавал? Папа, чего ты там перед дверью топчешься, как проситель с челобитной возле будуара королевы? Заходи и присаживайся. У меня есть ещё немного времени, чтобы тебя выслушать и дать мудрый совет. Больше дать я ничего не могу. Твоя королева не наделена королевскими полномочиями и не обладает несметными богатствами.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Входит и присаживается в мягкое кресло). То, что мне хотелось бы получить, не может дать ни одна королева на свете. А моя королева, вместо мягких успокаивающих пилюль, бьёт транквилизаторами иронии и сатиры. Вот откуда, Викуля, у тебя столько ядовитого сарказма?

В и к т о р и я. Это не ядовитый сарказм, но ты прав – я быю транквилизаторами иронии и сатиры, потому что в твоём запущенном состоянии, это наиболее действенный метод выздоровления. А всё это, папуля, твоё генное наследие.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Неправда. Даже в моих самых острых и злых, но не менее гениальных, сатирических рассказах, общая атмосфера повествования всегда насыщена больше добродушной иронией, чем ядовитым сарказмом.

В и к т о р и я. Ну да, конечно. Ведь именно благодаря твоей добродушной иронии, некоторые субъекты, запечатленные в твоих бессмертных шедеврах, испепеляли тебя жгучими взглядами неприкрытой благодарности?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Это большой минус не мне, а им. В них говорили уязвлённые гордыня и самолюбие, не позволяющие объективно взглянуть на себя со стороны.

В и к т о р и я. Папа, а ты себя часто наблюдаешь со стороны?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я прекрасно осведомлён о своих недостатках. Мама напоминает о них каждое утро. Но моё истинное призвание в другом – в изобличении и высмеивании наших общих пороков в персонифицированном виде. Мне, как и художнику, нужен один определённый ракурс. Иногда это абстрактный, собирательный персонаж, а иногда – конкретный тип, который заслуживает не только моего профессионального внимания, но и всеобщего обозрения. А моя скромная особа никому не будет интересна, напиши я рассказ о себе.

В и к т о р и я. Не согласна. Ты достаточно известен, чтобы вызвать интерес у массового читателя.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да, но что читателя интересует в первую очередь? Пошлые откровенности? Личные пикантные ситуации? А ещё, как только я напишу серьёзную вещь о всех своих талантах и достоинствах, коллеги и товарищи не поверят из зависти и возненавидят, а сторонний читатель не поверит, исходя из собственных пороков, и также возненавидит. Оно мне надо? Ни в коем случае!

В и к т о р и я. (Смеясь). Да, папа, главное твоё достоинство, это скромность, которой тебе занимать ни у кого не надо. Впору ею делиться с другими. А ты напиши несерьёзную вещь, в которой с иронией поделишься с читателем хотя бы о некоторых своих ошибках и нелепостях?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Думаешь, мне эта мысль в голову не приходила?! Да пробовал – не получается! Как только начинаю писать о себе, все мои недостатки превращаются в достоинства. Вот если бы обо мне написала мама...

В и к т о р и я. Кстати, о маме. Вам не надоело почти каждое утро проводить в подобных склоках?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Привычка. Да и не склоки это вовсе. Мы каждое утро узнаём о себе что-то новое. Вот, например, сегодня я наконец-то узнал, за что меня полюбила твоя мать.

В и к т о р и я. За твою красоту, доброту и талант?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Как оказалось, не только. Главной причиной её любви явились те, кто прививал и развивал во мне красоту... души, в виде доброты.

В и к т о р и я. Ты забыл про талант?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я, в отличие от твоей мамы, про талант не забыл. Но талант и успех – это далеко не одно и то же. Я имею в виду истинный талант. А сейчас, к сожалению, больше чем когда-либо, главным критерием в обществе является успех. И совершенно не важно, каким способом ты его добыл: талантом, связями, угодничеством, обманом, или, вообще, силой.

В и к т о р и я. Па, я не думаю, что всё так трагично. Это было всегда, только об этом сегодня мы знаем больше, чем о прошлом.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Может оно и так, и всё дело в количестве?! Сегодня слишком много всевозможных шоу и слишком много «звёзд», к которым причисляют всех, о ком пишут и коих показывают по телевизору. А ещё, наверное, виновата моя депрессия, и я всё вижу в более мрачных тонах, чем они являются на самом деле?! Чисто субъективный фактор.

В и к т о р и я. Вот мудрые слова самокритики, которые позволяют надеяться на выздоровление. Ты слишком сгущаешь краски, обобщая всех успешных людей. Все люди разные, и богатые и знаменитые не исключение. И в их сердца стучатся сострадание и милосердие, когда они жертвуют деньги в благотворительные фонды и помогают несчастным.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. А вот тут не всё так просто. Во-первых, перечисляя деньги в эти самые благотворительные фонды, ни один благодетель не может быть уверен, что они дойдут до несчастных и обездоленных. А во-вторых, если кто-то действительно хочет помочь кому-то, то об этом знают только они двое. А когда об этом трубят в телевизионных программах

и новостях, пишут в газетах и выкладывают в интернет, то, извини, здесь пахнет всем чем угодно, но не состраданием и милосердием.

В и к т о р и я. Ладно, папа, давай оставим эту скользкую тему и наши абстрактные рассуждения. Всё равно проку от них мало, а к нашей проблеме они и вовсе не имеют никакого отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.